

Ничего
особенного

Натали Деген

Ничего особенного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16952103

Аннотация

„Ей мало нужно было для счастья: одно только слово "да", ещё одна полная тарелка дышащего тёртым чесноком борща и усталое тело любимого мужчины, хоть и не сливается с твоим, но находится следующие несколько часов рядом, греет своим теплом твой диван, забывая на твоих подушках свой желанный мужской запах. -Нет. Не хочу,— ответил он. Тонкая ниточка малого счастья, соединяющая тарелку борща, диван в гостиной, телевизор и Сашу, оборвалась в Таниной груди в самом начале. Он не хочет второй тарелки борща, а значит, не хочет её дивана, её телевизора и четырёх часов в её квартире. А хочет ли он вообще её?..“

Ничего особенного

Натали Деген

Александр Иванович Славников сидел на кухне, сосредоточенно уставившись в тарелку с борщом.

—Ещё будешь? — спросила с надеждой Таня.

Если он скажет "да", тогда после второй тарелки, вероятнее всего, захочет прилечь. Вытянется на диване в гостиной и будет щёлкать пультом, переключая каналы до тех пор, пока монотонный голос диктора новостей, гладкий и незапоминающийся, такой же, как её внешность, не убаюкает его. Проснётся же потом не раньше десяти.

А сейчас только шесть вечера, другими словами, ещё четыре часа он будет принадлежать только ей. Ей мало нужно было для счастья: одно только слово "да", ещё одна полная тарелка дышащего тёртым чесноком борща и усталое тело любимого мужчины, хоть и не сливается с твоим, но находится следующие несколько часов рядом, греет своим теплом твой диван, забывая на твоих подушках свой желанный мужской запах.

—Нет. Не хочу,— ответил он.

Тонкая ниточка малого счастья, соединяющая тарелку борща, диван в гостиной, телевизор и Сашу, оборвалась в Таниной груди в самом начале.

Он не хочет второй тарелки борща, а значит, не хочет её дивана, её телевизора и четырёх часов в её квартире. А хочет

ли он вообще её?..

Почему? Хотела спросить Таня.

– Ты меня любишь?.. – зачем-то вырвалось у неё.

– Ну что ты опять, – прозвучало в ответ.

Он ничего не имел против Тани, её борща, её образцового порядка в доме и её любви. Ей было уже тридцать пять лет, из которых последние пять она безвозмездно отдавала ему себя всю. И ему ничего не хотелось бы в этом менять и ни отчего отказываться.

– Саш, а давай малыша заведём?.. – робко, будто одалживая у приятеля, спросила она.

Малыш не входил в Сашины планы, он не вписывался, по его мнению, ни в этот уютный вечер, ни в прошлые, ни во все будущие. Ему было сорок шесть лет, зачем ему малыш? Спрашивал он себя. Он просто хотел быть с Таней, приходить в эту убранную квартиру, сидеть на кухне на правах хозяина, есть приготовленный только для него одного суп, лежать на продавленном им же диване. И раздражённо хлопать за собой дверью, когда Таню минут на двадцать привязывала к телефону подруга, и она, закрывая ладонью трубку, жалобно закатывала глаза кверху и шёпотом молила его подождать, ещё хотя бы минутку.

– Тань, старый я уже, ну какой мне малыш?

Он не помнил, в который раз ему приходилось произносить эту фразу, но Таня всё спрашивала, видимо, каждый раз надеясь, что он ответит что-нибудь новое. Подсознательно

он понимал, если бы инстинкт материнства вскипел в Тане до такой степени, что, как горящая лава, подкатился бы к горлу и не давал ей ни жить, ни дышать, ни произносить ни одного слова, не имеющего какого-либо отношения к детям, то она забеременела бы, не спрашивая его разрешения. А раз всё ещё спрашивала – значит, боялась его потерять. Значит, он был для неё даже в её тридцать пять важнее ребёнка.

Сознание собственной значительности и надобности, отражающееся в Таниных глазах, льстило ему. Это было словно собственное отражение в кривом зеркале, в которое он смотрелся ребёнком в появившемся раз в году Луна-парке, дружественной, тогда ещё социалистической Чехословакии. Во всей этой заграничной пестроте ни карусели, призывно манящие сотнями красно-зелёных лампочек, ни комнаты страха с резиновыми масками оскалившихся чудищ, ни тир с обещанным за меткий выстрел огромным плюшевым тигром с печальным пластмассовым взглядом не привлекали его так, как кривые зеркала. Сладкие капли тающего мороженого падали то на новую майку, то на любимые шорты, мать тащила его за руку, а он всё никак не мог оторвать взгляд от себя, то от длинного и тощего, как Дон Кихот, то от маленького и толстого, как Санчо Панса. В кривом зеркале Таниных глаз было всё наоборот, в них он, стареющий и ленивый, видел себя тридцатипятилетним, подтянутым, значимым и желанным.

Когда-то, ещё при Советском Союзе, он получил своё архитектурское образование, по молодости мечтал перевернуть мир: выстроить что-нибудь только из стекла, лёгкое и воздушное, готовое вот-вот оторваться и взмыться ввысь, как забытый на земле инопланетный корабль. Но эксперименты тогда не приветствовались, и он кроил, как и все, под линейку свои пятиэтажки. Ни шага влево, ни шага вправо, не надо инициативы, если не хочешь наказания. Однокурсник Лёнька Мыльников освоился в новой жизни раньше других, выкорабкался из-под обломков перестройки. Торговал несколько лет какими-то майками на базаре, потом какими-то пластмассовыми мисками. Всем вокруг было стыдно за него, а ему нет. А когда он открыл свою строительную фирму, то именно те, кто за него краснел, первыми потянулись к неприступной двери его начальственного кабинета, образуя витиеватую муравьиную очередь из желающих услужить. Саша Славников не хотел услуживать и не хотел просить. Вот ему-то Лёнька и позвонил и дал шанс работать по специальности, что было в те года редкостью. Ютились они тогда ещё в паре кабинетов, занимая часть одного из этажей высотки. За стеной бурлила другая жизнь, там на стареньком компьютере строчила что-то Таня для новомодной в те времена газетёнки. Они часто сталкивались в коридоре, Александр Иванович рассматривал её безотрывно и пристально, как карту чужеземного государства, а высокая и статная Таня, торопливо пробегая мимо, каждый раз

чуть не ошпаривала его своим чаем, не обращая на него никакого внимания. И заговори он с ней тогда, так она бы удивилась тому, что здесь кроме неё есть ещё кто-то, настолько он ей казался неприметным. Познакомились они банально: застряли в лифте, как в низкопробном фильме с заезженным сюжетом. Но именно там, на этом клочке метр на метр, она и узнала его, и ей действительно показалось, что она видит его впервые. А Александр Иванович считал, что он знает о ней всё. То, что все оттенки коричневого – её любимые цвета, то, что чай она пьёт только сладким, потому что неосторожно расплёсканный ею в коридоре, он застывал на полу липкими каплями. То, что молодой и высокий парень приезжает за ней всегда чуть позже шести, но недавно она с ним поругалась, потому что кто-то из её подруг, всегда готовых помочь в подобных ситуациях, кричал ему вчера из окна: "Кончай сигналить! Её здесь нет и больше никогда не будет!" Они сидели в зависшем лифте в тот вечер уже около часа, а Александр Иванович не уставал рассказывать. Если бы он видел и слышал себя со стороны, то совершенно справедливо засомневался бы в занимательности своей беседы или привлекательности своей внешности. Но он не видел и не слышал себя, отключился от мира и увлекал собеседника в свой, затягивал, как паук жертву. Тараторил что-то о балках, масштабах и новом взгляде на многоэтажные строения и растворялся в Танином внимании. Получается, жизнь обошлась с ней несправедливо: сначала она его не за-

мечала и поэтому не рассматривала. А когда у него появилась возможность заговорить, то раскрыв рот, он быстро и с лёгкостью очаровал её, она тут же нацепила те самые "розовые очки", так и не успев рассмотреть его незачарованным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.